

МОИ СОБЕСЕДНИКИ

Сейчас я время от времени общаюсь с двумя людьми. Один из них — Критик, о котором я уже упоминал. Другого я называю для себя Защитником. Эти прозвища отражают их роли в советские годы. Критик критиковал советский социальный строй, Защитник — защищал. Критик считался диссидентом, саживал в сумасшедшем доме, в тюрьмах и в лагерях. При Горбачеве его освободили, реабилитировали, дали квартирку в нашем доме взамен отобранной, стали вроде бы возвышать. Но он обрушился на «перестройку», и его вычеркнули из публичной жизни. Живет на мизерную пенсию и случайными заработками. Изредка печатается во второстепенных газетах и журналах, каких теперь великое множество.

Защитник — бывший работник ЦК КПСС среднего ранга. После ликвидации КПСС и самоликвидации аппарата ЦК он, как все прочие работники аппарата партии, приватизировал за гроши великолепную квартиру в доме ответственных работников ЦК и дачу в районе для этих работников, которые (квартиру и дачу) он получил бесплатно. Квартиру продал какому-то новому богатею, купил по квартире сыну и дочери, а себе с женой купил квартиру в нашем микрорайоне. После этой операции он сохранил приличную сумму, на которую может жить безбедно. Думаю, что у него были и остались и другие источники доходов. Значительную часть времени он проводит на даче. Когда положение успокоилось, он устроился в правление одного из банков. Аналогично пристроились в тепленьких местечках и прочие бывшие аппаратчики.

Защитник — типичный пример; его история объясняет, почему работники партаппарата без всякого сопротивления «разошлись по домам», после того как Горбачев подписал бумажку о самороспуске ЦК КПСС и партии вообще: их просто купили, да-

ли им по жирному куску собственности и обеспечили должностями в новой организации власти и экономики. Их несколько потеснили и понизили, но они так или иначе зацепились в среднем и даже высшем слое.

Защитник работал в ЦК КПСС в отделе, который занимался диссидентами и критиками советского общества («режима»), включая Критика. И вот судьба свела в одну категорию совков — людей, в недавнем прошлом бывших врагами. Защитник уклоняется от встреч с Критиком. На мой вопрос «почему?» он ответил, что он и Критик были «по разные стороны фронта» и он переступить через это не может.

— Но ведь у таких людей, как Критик, были основания для оппозиции к «режиму», — сказал я.

— Были, — сказал Защитник. — Но дело не в этом.

— А в чем?

— В интересах страны. Эти интересы были важнее диссидентской возни, спровоцированной Западом. А мы проявили к ним непростительную мягкость. Либеральничали.

— А что надо было сделать?

— Уничтожить как «пятую колонну» Запада.

— Если бы советские власти проявили твердость и решительность в борьбе с диссидентством и критиканством, советский строй мог бы уцелеть?

— Вне всякого сомнения!

— Так почему же они этого не сделали?!

— Были дураками и трусами.

— Значит, в августе девяносто первого года надо было стрелять по тем, кто собрался с Ельциным у «Белого дома»?

— Конечно! Эта мразь разбежалась бы после первого же выстрела. И Советский Союз получил бы как минимум двадцать лет передышки.

Сейчас различить позицию Критика и Защитника трудно. Во многом первый выступает теперь как защитник советизма (коммунизма), а Защитник — как критик. Критик считает коммунистов предателями и шкурниками. Говорит, что они боролись с диссидентами, потому что позавидовали их славе на Западе и подачкам, какие те имели от западных хозяев. Они украли у диссидентов их историческую роль и сами навредили стране неизмеримо больше, чем диссиденты. И тоже не испытывает желания завести знакомство с Защитником.

В одну из встреч с Критиком я высказал недоумение по поводу быстроты и легкости краха советского социального строя (советского коммунизма, советизма).

— Быстрота и легкость тут относительные, — сказал Критик. — На это ушло почти полвека холодной войны. Запад потратил средств много больше, чем на войну с Германией. В борьбу против нас были вовлечены огромные интеллектуальные силы Запада. В нашей стране происходила эволюция. Изменилась социальная структура населения. Назревала кризисная ситуация. Менялось моральное, психологическое и идейное состояние людей. Борьба шла с переменным успехом. Перевес сил Запада срабатывал не сразу. Но все закономерно. Удручает тут другое.

— Что именно?

— Не столько сам факт краха, сколько то, как он произошел. А произошел он именно по-русски. Как-то несерьезно, пустяково. Никаких битв. Никаких выдающихся подвигов и жертв. Как бы между прочим, бездумно. Какие-то интеллектуальные убудки и моральные подонки без всяких усилий на глазах у всех, при все общем попустительстве и равнодушии, в течение нескольких лет разрушили то, что создавалось десятилетиями, создавалось всем многомиллионным народом, создавалось ценой титанических усилий и огромных жертв, создавалось лучшими умами из народа и высоконравственными гражданами.

То же недоумение я высказал в разговоре с Защитником. Его слова по этому поводу меня поразили.

— Тут проявились черты характера нашего народа, — сказал он. — Великая историческая миссия оказалась нам не по силам. Да и враги наши оказались не дураками. Они правильно нащупали самые уязвимые звенья в советской системе.

— Какие?

— Снизу — уровень бытовых благ. Соблазн бытовыми пустяками. Грубо говоря, падение нашей страны началось с туалетной бумаги. Потом пошли западные предметы одежды, питания, мебели, фильмы, книги, туристические поездки и прочее. Вы же сами помните, как мы все это переживали.

— А сверху?

— Аппарат КПСС. Высшее партийное и государственное руководство. Силам Запада, которые вели холодную войну, удалось провести на пост Генерального секретаря ЦК КПСС своего человека — Горбачева. Он развалил партийный аппарат. Началась

цепная реакция распада всей системы власти и всеобщей социальной системы.

— Неужели партийный аппарат был настолько слеп?!

— И слепота была, но не только. Вы же сами знаете, что основными мотивами поведения аппаратчиков были не преданность идеалам коммунизма и патриотизм, а корысть и карьеризм. Материальные блага, какие они приобретали в качестве работников партийного аппарата, не делали из них самоотверженных борцов за партию, государство, страну, народ. Появление среди них Матросовых, бросающихся грудью на вражеские пулеметы, было исключено. Вполне естественно, они бросились устраивать свои делишки, наплевав на партийный аппарат, на партию, на страну, на народ. Не забывайте, самые активные и влиятельные из них пришли к власти с Горбачевым. Не один же Горбачев начал погром советской системы! Он лишь возглавлял погромщиков.

— А как поступили вы?

— Как и все в аналогичном положении. А вы?

— Вы правы. Я тоже поступал, как все в аналогичном положении. Разумеется, аналогичном моему.

— И поведение людей вашего уровня и положения сыграло гораздо более важную роль, чем поведение верхов.

После таких разговоров у меня голова идет кругом. А ведь я довольно начитанный в отношении социальных проблем человека. Что же творится в головах других?!